

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Б.Г. ТУКУМЦЕВ

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: КУЛЬТУРАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические основания и некоторые результаты социологического анализа культуры инновационной деятельности в научно-исследовательских академических институтах. Раскрывается концепция культуральной социологии, позволяющая обосновать влияния содержания культурных правил на инновационное поведение сотрудников.

Ключевые слова: культура инновационной деятельности; культуральная социология; ценностно-ориентационная система, институционализация, культурные нормы; ценности-цели; академический научно-исследовательский институт.

На протяжении ряда последних лет в Социологическом институте РАН ведутся разработки методологии сравнительно нового, культурального подхода применительно к исследованию инновационной деятельности в научных учреждениях. При этом в качестве предмета социологического анализа рассматривается состояние культуры деятельности научных сотрудников академических учреждений в инновационной сфере. Результаты выполненных теоретических разработок и предварительного анализа проблемы, опубликованы в ряде изданий¹.

¹ См. напр. *Тукумцев Б.Г.* Методологические предпосылки исследования инновационной культуры в научных организациях // Наука и высшая школа в инновационной деятельности. СПб.: Нестор-История, 2006. С.10–31; *Тукумцев Б.Г.* Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки // Глобализация в Российском обществе. Сборник научных работ / отв. ред. И.И. Ели-

В течение 2008–2009 гг. на подготовленной методологической основе осуществлен экспериментальный этап исследования. Он выполнялся силами сотрудников сектора «Социология науки и инноваций» СИ РАН под научным руководством автора этой статьи. Полученные материалы — результаты «полевого» этапа, позволяющие сделать первые выводы о состоянии культуры инновационной деятельности в академических научных учреждениях в современных условиях. Они позволяют также судить о значении совершенствования культуры этой деятельности для повышения ее успешности.

Преимущества культурального подхода связаны с возможностью выделить и определить в процессе исследования направленность социальных механизмов формирования и регулирования социального поведения членов изучаемого сообщества. А это, в свою очередь, дает ключ к прогнозированию их поведения и возможность его изменения. Применение такого подхода не умаляет преимуществ других методологических подходов, используемых в социологии для анализа деятельности и не исключает возможности их совместного использования в прикладных исследованиях.

Сегодня в мире никто не сомневается в том, что только научный поиск способен дать людям ключ к использованию новых, неизвестных ранее средств ускорения технического, социального и экономического прогресса, развития благосостояния людей. Пришло понимание того, что только новые научные идеи и знания могут помочь сохранить жизнь на Земле, предупреждая социальные, космогенные и техногенные катастрофы. Лидирующая роль науки в осуществлении прогрессивных экономических и социальных преобразований, как известно, начала проявляться и была осознана человечеством сравнительно недавно. Исследователи самих нововведений и инновационных процессов долгое время не воспринимали науку как основной начальный этап инновационного цикла. Ее стартовая роль в осуществлении крупнейших инноваций была осознана и постулирована лишь на грани XX–XXI вв. И это стало поводом для повышения интереса к анализу инновационной деятельности в научных учреждениях.

Наше внимание привлекла проблема недостаточного знания о состоянии и функционировании культурных механизмов, оказывающих

сеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 47–98; *Тукумцев Б.Г.* Социологический анализ культуры инновационной деятельности в научных учреждениях // *Инновации*. №10. Октябрь 2008. С. 85–91.

влияние на инновационную деятельность ученых, а также о средствах получения такого знания. Речь при этом идет, прежде всего, именно о феномене культуры как о способе инновационной деятельности, причем в данном конкретном случае — в условиях отечественной академической науки. Подобный анализ инновационной деятельности в сфере науки с использованием культурального подхода в рамках социологического исследования, насколько нам известно, осуществлялся впервые. Тем не менее, исследователи не считали свою работу лишь научным экспериментом. Предполагалось (и это подтвердили результаты исследования), что новое знание о состоянии культуры инновационной деятельности может иметь и практическое значение. Суть его заключается в том, что оно обращает внимание на возможности более полного раскрытия интеллектуального потенциала научных организаций, связанных с внедрением нововведений, за счет изменения ряда культурных правил их деятельности.

Основная цель такого исследования заключается, на наш взгляд, в том, чтобы выяснить, насколько существующие культурные нормы и культурные ценности, функционирующие в академических научных учреждениях и формирующие способы инновационной деятельности, содействуют успешной работе ученых. И если нет, то чем это вызвано. Сопутствующей темой стало выяснение того, в какой степени действующие культурные правила соответствуют тем генеральным задачам, которые выдвигают перед российской наукой потребности общественного развития. Наконец, новый методологически подход позволил получить ответ на вопрос, как научные сотрудники воспринимают ныне функционирующую культуру инновационной деятельности, какие культурные нормы и правила, по их мнению, нуждаются в замене либо в модернизации.

Подробная интерпретация в нашем прочтении основных положений методологии культурального подхода, использованного в настоящем исследовании, основана в том числе и на некоторых основных положениях «сильной программы» Дж. Александера, изложенной в его «Культуральной социологии»². Концепция исследования и некоторые результаты были представлены на методологических семинарах в Москве в ИС РАН (декабрь 2009 г.) и в Санкт-Петербурге в СИ РАН (в март 2010 г.).

² *Alexander J.C. The Meanings of social Life. A Cultural Sociology. Oxford: University press, 2003.*

Экспериментальное исследование осуществлялось в течение двух лет. Объектами исследования стали ученые четырех петербургских институтов РАН. Были использованы качественные методы. Интервью и данные специальных процедур были получены более чем от 40 научных сотрудников и руководителей. В настоящее время работа над этим проектом продолжается. Некоторая часть полученных материалов исследования использована при написании этой статьи.

Инновации и инновационная деятельность

Прежде чем говорить о состоянии инновационной деятельности, о ее культуре, следует, на наш взгляд, сделать некоторые терминологические уточнения, относящиеся к объекту исследования. Первое уточнение касается обозначения продукта инновационной деятельности ученых. Насколько правильно новшества, созданные в процессе теоретических либо прикладных разработок в научно-исследовательских институтах, называть инновациями? Такое обозначение можно встретить в некоторых публикациях последнего времени. Опираясь на сложившийся к настоящему времени в сфере инновационной деятельности понятийный аппарат, следует признать, что этого делать нельзя. Термин «Инновация» в настоящее время рассматривается в российском научном сообществе как обозначение некоторого итога процесса, который называют инновационным. Именно так выглядит определение понятия «инновация», которое дается словарем ЦИСИ:

«Инновация — конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам. Инновация рассматривается сегодня в российском научном сообществе как некоторый итог процесса, который называют инновационным»³.

Так что говорить о том, что предметом труда ученого является инновация — некорректно. Сами ученые, судя по их высказываниям в процессе общения с исследователями, также не считали, что пред-

³ Статистика науки и инноваций: краткий терминологический словарь / под ред. Л.М. Гольберга. М., 1998. С. 87.

мет их труда — инновации. Более того, они весьма скептически относятся к попыткам таким образом обозначить их деятельность. Сами они предпочитают говорить, что они занимаются теоретическими исследованиями, прикладными разработками, участвуют во внедренческих проектах. Все это является элементами инновационной деятельности, ее составными частями. И не исключено, что в перспективе, при соответствующей заинтересованности промышленных или социальных организаций, разработанные новшества могут стать успешными инновациями.

Берущая свое начало на столе ученого инновационная деятельность не ограничена рамками научно-исследовательского учреждения. Свое продолжение она находит на последующих этапах так называемого «жизненного цикла инновации». Жизненный цикл инновации охватывает весь инновационный процесс — от зарождения идеи новшества до ее реализации в практических интересах. Получив «путевку в жизнь», эта идея находит свое продолжение в проектной или технической разработке, в поиске источника финансирования этой работы, в сертификации и патентовании. Но это еще не все. Инновационная разработка, для того чтобы попасть к потребителю, должна пройти этап диффузии. Только после этого, при наличии благоприятной рыночной перспективы она станет новшеством, внедренным в практику. И лишь тогда, убедившись в наличии экономического или социального эффекта от внедрения этого новшества, мы сможем констатировать факт состоявшейся инновации.

На каждом последующем этапе инновационного процесса, уже за рамками этапа научных разработок, также осуществляется инновационная деятельность. И исследователи при наличии интереса к продолжению инновационного процесса также имеют возможность анализировать деятельность действующих там акторов, используя те или иные методики анализа.

Само понятие «инновационная деятельность» трактуется нами следующим образом: *«Инновационная деятельность — это практики участников инновационного процесса, отвечающие целям этого процесса и обусловленные местом каждого участника в его жизненном цикле».*

Завершая обсуждение термина «инновационная деятельность», необходимо заметить, что в зарубежных публикациях, наряду с приведенным выше толкованием, существует и иная трактовка понятия «инновация». Некоторые авторы определяют ее как «сложную и

диверсифицированную деятельность по созданию новшеств»⁴. Так что при использовании зарубежных источников это необходимо учитывать.

Следующее уточнение связано с тем, какого рода деятельность в научно-исследовательском институте следует относить к инновационной. Традиционно мы представляем себе наличие в академических институтах естественного профиля двух видов занятий. Это, с одной стороны, фундаментальные исследования, с другой — прикладные исследования и разработки. В общепринятом толковании представляется логичным такое описание функций этих двух видов научной работы. Теоретическая деятельность направлена на получение нового знания. Соответственно, прикладная деятельность — это применение полученных новых знаний на практике. Теоретики открывают новое знание, а прикладники занимаются практическим применением этих знаний. Отсюда напрашивается вывод: инновационная деятельность — это тесно связанные с практическим выходом прикладные исследования и разработки. А фундаментальные теоретические исследования к инновационной деятельности отношения не имеют. Однако, по мнению самих ученых, все не так просто.

На практике, говорят они, новые (фундаментальные) знания нередко появляются неожиданно, в результате не только теоретических, но и прикладных исследований. Например, когда в процессе материального воплощения какой-либо новой идеи открываются существенные дополнения нового знания. Или наоборот выясняется, что теоретическая концепция новшества требует дополнительных обоснований и что это не было учтено в теоретическом исследовании. Возможен и другой вариант: новый метод или технология, обоснованные теоретически, в результате фундаментальной работы могут непосредственно использоваться практиками. В некоторых странах научные центры системно подходят к вероятности такого использования. В Голландии, например, по сведениям, почерпнутым нами в ходе интервью, даже действует правило обязательного обсуждения возможности практического использования каждого результата фундаментальных исследований. Ему не дают «залежаться на полке». Можно, наконец, вспомнить и о том, что в основе самых грандиозных инноваций нередко лежат открытия, сделанные именно

⁴ *Винокуров В.И.* Основные термины и определения в сфере инноваций // *Инновации.* 2004. №4(81). С. 6.

фундаментальной наукой. Все это говорит не в пользу отнесения к инновационной деятельности только прикладной науки.

Наконец, мы не можем не учитывать и тесного переплетения этих двух видов научной деятельности в повседневной жизни. Вот что по этому поводу замечает М. Бабуров: «В реальности ни фундаментальная, ни прикладная наука никогда не встречаются в чистом виде. На практике в любой проблеме присутствуют обе науки в различных пропорциях. И фундаментальной мы называем проблему, в которой велика доля нового, неизвестного знания, а прикладной — ту, в которой как нам представляется, неизвестного значительно меньше»⁵.

Все это побуждает нас к тому, чтобы в качестве причастных к инновационной деятельности рассматривать как работу в области прикладных исследований, так и в области фундаментальной науки. В то же время, анализируя содержание инновационной деятельности в каждой из научных сфер, исследователь не может не учитывать существенного различия конечных целей этих двух видов научной деятельности. Прикладная наука «по своим целям, принципам и организации значительно больше походит на обычный бизнес, чем на свою однофамилицу — науку фундаментальную»⁶, пишет М. Бабуров. Ее результат не только предсказуем, но может планироваться, то есть поддается управлению. В то же время результат теоретических исследований, как правило, несет в себе нечто новое и непредсказуемое. Именно в этой непредсказуемости многие видят особое значение фундаментальных исследований. Все это обуславливает различия в содержании этих двух видов деятельности, которое в свою очередь требует разных типов мотивации и организации научного труда, а также различия в ценностных ориентациях, жизненных целях людей, взявшихся за выполнение этих двух неодинаковых видов инновационной деятельности.

Участие академических институтов в инновационном процессе

С начала 90-х гг. XX в. до настоящего времени Российская академия наук испытывает на себе разрушительное влияние финансово-экономического и социально-политического кризиса, который был порожден эпохой перестройки и реформ. Современные аналитики сходятся на том, что к настоящему времени источники этого всероссийского

⁵ Бабуров М. Две науки: «настоящая» и «прикладная» // ТВ. 2009. №16. С. 2.

⁶ Бабуров М. Там же.

кризиса в основном преодолены. Между тем о его последствиях для Академии наук этого сказать пока еще нельзя. Они по-прежнему удерживают подавляющую часть Академических научных учреждений на грани выживания.

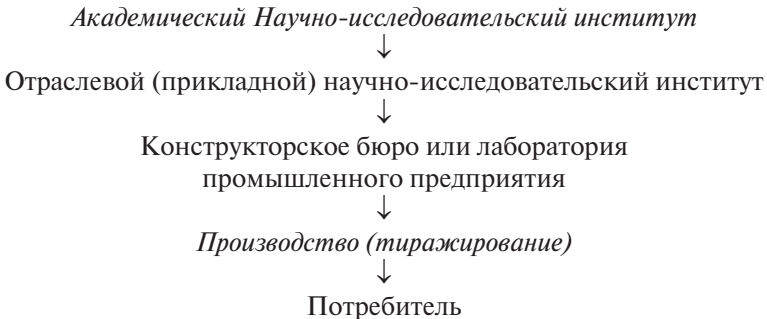
Одним из первых таких последствий стало катастрофическое сокращение финансирования ее научно-исследовательской деятельности. Существенно снизились объемы и прикладных разработок. Замедлилась, а в отдельных случаях остановилась значительная часть исследований, которые выполнялись в институтах. В первую очередь это коснулось экспериментальной деятельности. Обезлюдели производственные мастерские. Была прекращена закупка оборудования, были отменены заказы (за рубежом и внутри страны) на создание установок и приборов. В результате этого началось ускоряющееся отставание существующей материальной базы научных исследований от требований современной науки. Напомним, что речь идет, прежде всего, об институтах естественнонаучного профиля, деятельность которых наиболее тесно связана со сферой материального производства.

Отсутствие нормальных условий работы стало причиной того, что значительная часть ученых покинула страну и уехала работать за рубеж. Несмотря на это, некоторая (правда, незначительная) часть академических научных школ сохранила пока еще свой авторитет в мировом научном сообществе. Но резко сократились объемы работ по созданию современных наукоемких технологий и других инновационных продуктов. Судя по данным статистики, в последние годы Россия оказалась способной конкурировать на международном рынке наукоемкой продукции и технологий только с развивающимися странами⁷. Разумеется, не одна Академия наук за это в ответе. В стране немало других крупных научно-исследовательских организаций. Но академическая наука всегда рассматривалась как головной научный центр государства, определяющий направления, темпы и объемы развития науки в стране. Сформировалась реальная угроза для воспроизводства научных кадров. Выпускники высших учебных заведений перестали ориентироваться на работу в РАН. Оплата труда молодых ученых, даже после ее повышения, перестала создавать условия для их нормальной жизни. В институтах сформировалась кризисная демографическая

⁷ См. Кузык Б.И. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Институт экономических стратегий. 2008. С. 414–416.

ситуация. Средний возраст сотрудников приблизился к пенсионному возрасту. Выполненное, в качестве условия повышения оплаты труда, сокращение штата научных сотрудников в академической науке не только не улучшило, но еще более усугубило кадровую ситуацию. Теперь в институтах РАН не стало вакантных мест, куда можно было бы пригласить молодых исследователей, даже если они захотят там работать.

Вторым последствием кризиса 90-х гг. следует назвать разрушение того связующего звена между академической наукой и реальной экономикой, на которое в советский период было возложено внедрение в практику результатов научных открытий и исследовательских новшеств фундаментальной науки. Сама Академия наук на протяжении всего послевоенного (1945–1989) периода были ориентирована главным образом на выполнение фундаментальных исследований. Внедрение же прикладных научных результатов осуществлялось с помощью технологической внедренческой цепочки, в которую входили прикладные научно-исследовательские институты и производственные организации, находящиеся за пределами Академии. Все они относились к ведению соответствующих отраслевых министерств. Ниже приведен примерный перечень участников инновационного процесса того времени, отражающий этапы движения результатов научных исследований от академического института до внедрения в практику.

Отраслевые научно-исследовательские институты осуществляли прикладные разработки, используя результаты фундаментальных исследований, полученных академическими организациями. Конструкторские подразделения предприятий и лаборатории, куда попадали эти разработки, проектировали соответствующий технологический

процесс тиражирования новшества. Далее новшество попадало к потребителю и проходило этапы адаптации, рационального использования и устаревания.

Конечно, не следует сбрасывать со счетов, что эта система была, и об этом говорят многие ученые, в значительной степени «забюрократчена» и действовала далеко не всегда эффективно. Отраслевые интересы далеко не всегда совпадали с интересами академическими. И те, и другие не всегда соответствовали реальным потребностям государства. Хорошо выглядевшая на бумаге система продвижения инноваций не полностью использовала возможности ускорения научно-технического прогресса на основе использования достижений научной мысли⁸. Впрочем, такой упрек может быть высказан в адрес всей плановой системы отечественной экономики.

И, тем не менее, ликвидация, а точнее — развал этой системы, этого формального моста, соединяющего науку и экономику, без замещения его чем-то адекватным рыночной экономике, лишил академические институты основного канала реализации своих научных результатов. И это оказалось, по мнению респондентов нашего исследования, не менее тяжелым фактором кризисной ситуации в деятельности академических научных учреждений, чем ограничение ее финансирования. Академические институты лишились легитимного «выхода» для превращения результатов теоретических исследований в инновационный продукт. Справедливости ради нельзя не сказать о том, что отдельные научные подразделения даже в условиях этой ситуации получали (и получают) заказы и заключали солидные договоры с государственными структурами. Как правило, это касается работ, связанных с космосом, с оборонными заказами, с международными обязательствами. Но это относится лишь к малой части академических учреждений. И, что особенно важно подчеркнуть, при этом использовалась незначительная часть того научного потенциала, которым пока что располагает Академия наук. Остальные сотрудники научных подразделений и учреждений проходили курс выживания в условиях, близких к эпохе российского НЭПа.

Оценивая современное положение академической науки, нельзя не упомянуть еще одно существенное для нее последствие глобально-экономического и политического кризиса советской системы. Речь

⁸ См. например, *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989. С. 75–76.

идет о той ситуации неопределенности, в которой оказалось само существование государственной научной деятельности в форме академических научных учреждений. Выше уже говорилось об объективных причинах кризиса в отечественной науке. Но они усугублялись субъективными соображениями управленческих элит. Новая команда руководителей государства еще в 90-е гг. посчитала избыточным, не соответствующим канонам новых экономических отношений содержание на бюджетной основе такого затратного учреждения, как Академия наук, занимающегося преимущественно фундаментальными исследованиями. Причем самым безответственным, но вполне традиционным для систем государственного управления в нашей стране фактом в этой истории является то, что к моменту принятия решения о сокращении финансирования науки у властных структур не было продуманной концепции реорганизации ее дальнейшей деятельности.

Строились планы перевода финансирования теоретических исследований на самоокупаемость. Авторы такого предложения не смутило то, что подобного нововведения еще не пытались осуществить ни одно правительство в мире. Принятие таких планов означало бы реальное свертывание фундаментальных исследований в России. Шли (да, судя по публикациям, и сейчас идут) дебаты о перенесении центра тяжести в развитии науки на университетские научные центры⁹. Основным аргументом в пользу такого перемещения выдвигается опыт зарубежных университетов, где наряду с прикладными исследованиями, развиваются и фундаментальные. Но при этом не учитываются некоторые немаловажные детали, в частности, то, что в зарубежных университетах исследования поддерживаются мощной системой государственных и частных грантов, которые в России в таком объеме отсутствуют. Не учитывается, что в подавляющем числе отечественных университетов серьезную исследовательскую базу надо создавать на пустом месте. Что в отечественных университетах в настоящее время отсутствуют условия для формирования высокой культуры осуществления фундаментальной исследовательской деятельности. А такого рода культура создается на протяжении поколений. Тот факт, что в настоящее время ряд университетов получил от государства поддержку с целью созданию там мощной научно-исследовательской базы, может только радовать. Но нельзя не понимать, что это еще эксперимент,

⁹ См. *Попова Е.В.* Роль Российской Академии наук в национальной инновационной системе // *Инновации*. 2008. №1. Январь. С.3–10.

причем с длительным сроком ожидания эффекта. А развитие фундаментальной науки нуждается в поддержке уже в настоящее время, в действующих научных школах, если еще не поздно.

В условиях сложившейся неопределенности и в печати, и на различных форумах можно сегодня услышать критику по поводу качества и отдачи работы Академии наук в современных условиях. Появились глашатаи отказа от академической науки в силу ее нерентабельности, неэффективности. При этом никто не упоминает, что Академия наук в течение почти двадцати лет не получала средств на обновление научно-исследовательского оборудования. Судя по этим безосновательным обвинениям, складывается впечатление, что в стране сформировалось и действует некое лобби, пытающееся всячески принизить значение академической формы организации научных учреждений, занятых фундаментальными исследованиями. При этом наиболее часто акцент делается на нецелесообразность бюджетного финансирования науки, на недопустимость выделения на ее переоснащение значительных средств. Правительственные чиновники и некоторые «думцы» не стесняются оскорбительных выражений в адрес Академии наук, чего не было за всю историю Государства Российского. Складывается ситуация, когда ученые вынуждены постоянно доказывать свою значимость для общества. Но доказывать в современных условиях нелегко, так как для этого у ученых отсутствуют элементарные условия, позволяющие продемонстрировать свои возможности в полной мере. И нет ничего удивительного в том, что отдельные ученые, взвесив все за и против, уезжают работать за рубеж. Трудно не согласиться с тем, что такая обстановка не способствует развитию творческого настроения в академических научных коллективах. Из советского прошлого невольно вспоминается персонаж великого сатирика Аркадия Райкина, который, стоя на трибуне, критиковал некую смету финансирования зоопарка: «Товарищи! Ну скажите, зачем советскому человеку слон? Какая от него польза? А вы видели, брюхо-то у него какое?»

И, тем не менее, на вопрос, прекратилась ли инновационная деятельность академических научно-исследовательских институтов, можно дать отрицательный ответ. Как это ни парадоксально, она не прекратилась и даже увеличилась в эти постперестроечные годы. Помимо упомянутых выше государственных заказов на исследования в области космических, ядерных и оборонных программ, сотрудники институтов развернули с начала 90-х гг. в индивидуальный поиск возможностей внедрения в практику результатов своих разработок. Начал

складываться «дикий рынок» новшеств, которые могли быть использованы народившимися мелкими предпринимателями. Стали проявлять внимание к результатам российских инновационных разработок и зарубежные заказчики, чему не препятствовало новое законодательство. Разумеется, этот полуофициальный рынок по объему продаж совершенно не соответствовал, по мнению респондентов, научному потенциалу их институтов, их исследовательских подразделений, да и их самих. Тем не менее, практика «инновационной самостоятельности» в работе академических институтов, начатая в 90-е гг. как реакция на бедственное положение ученых, получающих мизерную зарплату, сохранилась и действует и в настоящее время.

«Внедренческие разработки по традиции всегда были своего рода средством, к которому прибегали научные сотрудники, чтобы повысить свой достаток. А дирекция на это смотрела сквозь пальцы» (зав. лаб., д.ф.-м.н., 51, м.) — заметил в интервью один из респондентов исследования.

Как хорошо известно, в советское время, а точнее, с 1923 г. до начала 1990-х гг., Академия наук рассматривалась как научное учреждение, занятое преимущественно фундаментальными исследованиями. Исключение составлял лишь некоторый узкий круг институтов, которые изначально были созданы для выполнения высокотехнологических заказов оборонных, космических, атомных и некоторых других государственных ведомств. Здесь осуществлялась плановая инновационная деятельность, для которой были созданы необходимые условия. Остальные институты, когда возникала потребность и возможность внедрения в практику очередного новшества, основу которого составляли открытие или изобретение, выполненное академическими научными сотрудниками, прибегали к помощи отраслевых институтов. В экстренных случаях, когда какой-то экспонат следовало представить на выставке или удовлетворить чей-то высокий интерес, избегая отраслевой волокиты, в дело включались институтские мастерские с их умельцами.

Однако, начиная с кризисных 90-х гг., в деятельности институтов произошли серьезные изменения. Прежде всего, оказалась разрушенной структура отраслевых институтов, которые по большей части были приватизированы и перестали служить связующим звеном между Академией наук и промышленностью. Большая часть академических институтов лишилась своей технологической инфраструктуры — мастерских, ремонтных служб. В условиях, когда финансирование академических учреждений резко сократилось, работники этих

подразделений, не выдержав низкого уровня оплаты труда, ушли в другие организации.

«Низкооплачиваемыми» стали и сами творцы научных идей, научные сотрудники институтов. Их зарплата, ничем не компенсируемая в условиях суперинфляции, сократилась до неприличия. И тогда они для того, чтобы выжить, приступили к самостоятельному поиску источников дополнительного дохода. Наиболее логичным вариантом в этих условиях был поиск возможностей самостоятельной реализации своих собственных разработок и открытий. Альтернативным вариантом был отъезд на работу в зарубежные научные учреждения, чем и воспользовалась большая группа ученых. Но уехали далеко не все. Не все сумели найти возможность проявить и рыночную активность, но она, тем не менее, нарастала. В числе исполнителей внедренческих разработок, на которые нашлись покупатели, оказались различные категории научных сотрудников, которые до этого работали как творцы фундаментальных разработок, а также экспериментаторы, прикладники. Заказными инновационными разработками они стали заниматься по совместительству. Разумеется, что-то ими делалось и по плану НИР своего института. Но главные усилия уходили на выполнение заказов. С этой целью велись постоянные поиски заказчиков или внедренческих грантов. Велись самостийно, кто как сумел. Руководство прекрасно понимало ситуацию с материальным положением сотрудников и поэтому не препятствовало этим инициативам. Оно даже в какой то степени было заинтересовано в такой «самодеятельности». От заключенных договоров в институт поступали деньги, а сотрудники не спешили увольняться и вести поиски другого места работы. Данные об объемах этих инновационных операций в академической статистике не отражают всю полноту сложившейся в этот период картины инновационного творчества. Как следует из интервью с научными сотрудниками, некоторые договоры на инициативные инновационные разработки заключались в обход системы учета.

В целом же складывалась многообразная схема финансирования инновационных проектов и разработок. В настоящее время она имеет такой вид:

Государственные заказы и заказы государственных корпораций.

Инициативные внедренческие проекты:

а) осуществляемые на средства грантов отечественных и зарубежных фондов;

б) осуществляемые на средства отечественных и зарубежных заказчиков.

Государственные заказы, хоть они в настоящее время и увеличиваются в объеме, предназначены для весьма небольшой части научных подразделений. Внедренческие гранты (типа «Фонда Бортника») также составляют незначительную часть средств в общем объеме финансирования внедренческих разработок. Поэтому большая часть надежд возлагается, главным образом, на поиск заказчиков на «вольном рынке». В этом качестве выступают предприятия малого и среднего бизнеса, использующие «полезные новинки», некоторые большие предприятия, которые созрели для освоения высокотехнологичных изделий. Сюда же относятся и зарубежные фирмы, которые с удовольствием покупают российские наукоемкие продукты и для которых бренд «Российская академия наук» весьма значим.

Наряду с этим наши респонденты постоянно подчеркивали, что приобретаемые случайными заказчиками внедренческие разработки составляли и составляют очень незначительную часть потенциальных возможностей институтов. Хотя в то же время именно эти объемы составляют, по мнению респондентов, большую часть всех внедренческих работ в их институтах.

В 2009 г. руководство Академии получило разрешение Правительства создавать внебюджетные малые инновационные предприятия (МИПы). То есть вынести официально инновационные разработки за пределы бюджетной деятельности институтов. Тем не менее, в тех институтах, которые обследовались в процессе осуществления нашего проекта, это пока что не стало толчком к созданию инфраструктурных подразделений, которые бы оказывали поддержку сотрудникам в создании таких хозрасчетных подразделений, в организации их деятельности. Поиск внедренческих и сбытовых каналов до настоящего времени выполняется самими учеными, которые не имеют ни необходимых знаний, ни средств, ни опыта для налаживания финансовой, правовой и маркетинговой деятельности. Вот мнение респондента, научного сотрудника одного из институтов:

«У нас есть хорошие идеи, есть патенты, изобретения, но нет успешного опыта перевода этих вещей в практическую плоскость. У нас никогда не было толковой технологии внедрения идей. Был некоторый снобизм. Коль скоро можно было заниматься только фундаментальной наукой, то ученые старательно оградяли себя от прикладных вещей и занимались только фундаментальными исследованиями» (гл.н.с., д.ф.-м.н., 56 лет, м.).

В последние два года появились признаки кардинального изменения ситуации в академической науке в целом. В правительственных кругах принято решение возложить на академические научно-исследовательские институты все функции по доведению инновационных разработок до конечного результата, включая их реализацию на рынке наукоемкой продукции¹⁰. Важнейшей составной частью научной работы Академии наук должна стать, помимо фундаментальных исследований, инновационная (внедренческая) деятельность. Таким образом, академическим институтам практически предложено воссоздать в рамках своей деятельности ту систему внедрения инновационных разработок, которая существовала в советский период вне их рамок. Причем воссоздать на новой рыночной основе.

Нельзя сказать, что это решение необоснованно. Оно учитывает зарубежный опыт и опыт работы Академии наук СССР в 20–30-е гг. Учитывает и новые экономические реалии. Но в то же время это неожиданное решение. Поэтому нет ничего удивительного, что у значительной части сотрудников и руководителей академических институтов возник культурный диссонанс.

Исследователи не ставят перед собой задачи включаться в дискуссию по поводу целесообразности шага, сделанного руководством страны. Они не располагают для этого достаточной информацией. Конечно, есть основания думать, что это естественный и логичный выход из сложившейся ситуации в современных условиях. В то же время было бы существенной ошибкой ограничиться лишь такой мерой. Инновационную цепочку следовало бы опережающими темпами формировать не только со стороны Академии наук, но и идя от сферы тиражирования и потребления новшеств, от внутреннего и внешнего рынка наукоемкой продукции, от производства и сферы обслуживания, которые сегодня, как показывает практика, не заинтересованы по ряду причин ни в каких новшествах. В том числе и из-за своей неспособности работать на рынке высокотехнологичной продукции. Многие респонденты исследования обращали внимание именно на это препятствие на пути внедрения новшеств и новых технологий.

«Наша промышленность нами не интересуется вовсе. Потому что нет у нас такой промышленности, которая могла бы интересоваться нашими разработками. Разработанные нами технологии находятся на

¹⁰ Постановление Президиума РАН от 24 марта 2009 г. «Об утверждении Принципов инновационной деятельности Российской Академии наук». С. 3.

мировом уровне. Наша же промышленность очень отстала от мирового уровня и на уровне оборудования, и на уровне технологий. Поэтому она просто не может воспользоваться нашими разработками» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет, м.).

Из этого следует, что необходимо осуществить реформирование экономической государственной системы в части развития интереса к нововведениям у производителя и потребителя. То, что сейчас начало делаться в этой области, свидетельствует о том, что необходимость решения проблемы находит понимание у руководства страны.

Опыт отечественных реформ не оставляет места для сомнений в том, что Академия наук обеспечит самостоятельный выход в новых условиях на рынок высоконучной продукции. Но необходимо отдавать себе отчет в том, что это будет означать для самой Академии. Это будет революционная перестройка всей ее деятельности. Она должна будет превратиться в иной социальный институт. Не рассуждая о том, хорошо это или плохо, нельзя не заметить, что к такому повороту Академия, судя по тому, что нам удалось увидеть, пока что не готова. При этом речь идет не только о наличии необходимой инфраструктуры или о производственных хозрасчетных подразделениях, МИПах и финансировании инновационных разработок. Речь идет и о формировании культуры инновационной деятельности. Такой культуры, которая бы обеспечивала высокую отдачу научного сотрудника. В прежние годы такая проблема просто не рассматривалась.

Культура инновационной деятельности

Современная социология подразумевает под культурой инновационной деятельности такой комплекс норм, правил, ценностей и целей деятельности, сформированный в организации, который предъявляет рациональные, продуманные требования к сотрудникам научных организаций и вспомогательных служб на всех уровнях работы института, включая его руководство, и способствует успеху по внедрению новшеств. Десятилетиями в академических институтах существовала совершенно иная управленческая доктрина, основанная на убеждении, что теоретические поиски, которыми занимались сотрудники, не нуждаются в особой организационной культуре и «не терпят суеты».

Однако изменения характера научной деятельности, происшедшие в XX столетии, требуют пересмотра многих сложившихся стереотипов. Работа научных сотрудников все в большей степени нуждается в спе-

циальном техническом оснащении, в новых комфортных условиях, в средствах обмена информацией, в производстве специального экспериментального оборудования и приборов. Она становится все более материалоемкой. Она способствует созданию новых социальных сетей, все чаще приобретает на ряде этапов исследования коллективный характер. Именно поэтому научная деятельность в новых условиях требует тщательно обоснованных «единых правил игры». Она требует уделять больше внимания и заботы «человеческому фактору науки».

Культура научной и инновационной деятельности как раз и является сводом таких правил, от соблюдения которых зависит общий успех. Причем требования этих культурных правил обращены не только к научным сотрудникам. В такой же степени они обращены и к деятельности руководителей институтов, и к руководству Академии, и Министерства образования и науки. Материалы настоящего исследования говорят о совершенно недостаточной культуре научной и инновационной деятельности сегодня.

Осуществляя социологический анализ, мы считали весьма актуальным уточнить состояние культуры научной деятельности в отечественных институтах и, особенно, культуры инновационной деятельности. Для решения именно этой конкретной задачи был выбран современный методологический подход к исследованию, опирающийся на концепцию «культуральной социологии». Были выполнены методические и процедурные разработки, позволяющие осуществлять социологический анализ культуры инновационной деятельности в академических институтах.

В публикациях последних лет, описывающих результаты выполненных исследований, обращает на себя внимание чрезмерное многообразие методологических подходов. Создается впечатление, что каждый исследователь считает необходимым создать свой подход, обосновав его преимущества и оригинальность. Между тем, оглядываясь на путь, пройденный социологией за годы ее становления и развития, нетрудно убедиться в том, что исследовательские подходы не создаются произвольно. Каждая новая ориентация исследовательского поиска, как правило, соответствует очередному этапу развития социологического знания. И, как бы ни изошрялись авторы в поиске названия для своих «новорожденных» исследовательских ориентаций, они чаще всего неизбежно остаются в рамках уже сложившиеся ранее методологических концепций. В социологическом мире получило всеобщее признание не так уж много концепций, соответствующих известным

теоретическим направлениям. В процессе развития социологического знания новые концепции пополняют его методологический капитал, но не исчезают. Они продолжают применяться в исследованиях, независимо от времени своего появления. Среди этих подходов чаще всего называют демографический, системный, структурный, активистский, культуральный, событийный¹¹. Нельзя сказать какой из них лучше, какой хуже. Каждый из них хорош для решения своих исследовательских задач. Исследователь выбирает себе тот подход или те несколько подходов, которые в наибольшей степени соответствуют его рабочей концепции и цели.

Поскольку объектом нашего исследования была определена инновационная деятельность, то нам, на первый взгляд, следовало бы обратить внимание на активистский подход. Но нас интересовали не столько поступки, поведение работников науки, сколько социальная среда, социальная сфера, которая обуславливает, детерминирует их социальную деятельность в исследовательской практике. Мы стремились найти концепцию, которая бы помогла описать те «социальные факты», которые формируют культуру инновационной деятельности. То есть, те социальные механизмы, которые либо благоприятствуют, либо, наоборот, не способствуют успешности этой деятельности. Располагая данными о состоянии этих социальных механизмов, исследователь получает возможность не только оценить состояние культуры инновационной деятельности, но и предметно определить содержание необходимых изменений.

Все сказанное выше говорило о том, что исследователям надо воспользоваться научным багажом социологии культуры. Между тем социология культуры никак не соответствовала решению задачи анализа культуры инновационной деятельности, так как она не рассматривает возможность непосредственного влияния культуры на социальную деятельность. Она не рассматривает культуру как активный социальный механизм общественного развития. Она отводит ей роль эпифомена, некоего результата деятельности социального сообщества.

Термин «культура» является одним из старейших терминов социологии. На протяжении всей истории этой дисциплины отношение к его использованию в исследованиях социального поведения существенно изменялось: от признания его исключительности в форми-

¹¹ *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 29.

ровании поведения до отведения ему роли зависимой переменной. Дюркгейм рассматривал культуру как некий комплекс социальных фактов, образующих социальную среду, которая формирует социальное поведение человека. Он считал, что культура должна рассматриваться как основной предмет социологической науки. О большом вкладе М. Вебера в обоснование роли культуры говорит А.И. Шендрик в своей работе «Социология культуры»: «У М. Вебера культура превращается в основной фактор, детерминирующий всю общественную жизнь, обуславливающий специфичность проявления экономических, политических, нравственных отношений. Эта идея красной нитью проходит через все его работы, но наиболее полно и обстоятельно она изложена в его трудах, посвященных исследованию проблем религии, которая, с точки зрения Вебера, является одной из важнейших культурных форм»¹². Практически в такой же интерпретации термин «культура» использовался и некоторыми другими исследователями на протяжении времени, отделяющего нас от Э. Дюркгейма и М. Вебера. Здесь может быть названо немало имен: Ф. Знанецкий, Р. Мертон, Б. Малиновский и др.

Однако и за рубежом, и в нашей стране культурный подход практически не использовался социологическими дисциплинами, изучающими деятельность. Лишь в последние годы, судя по информации с социологических конгрессов, интерес к культурному (в новом звучании — культуральному) подходу в социологическом анализе начал возрождаться. В то же время в других социологических и гуманитарных дисциплинах в минувшем столетии термин «культура» получил весьма широкое распространение. Как в России, так и за рубежом он обрел почетное место в социологии культуры, в истории, в антропологии и этнографии, в культурологии и т. п. Термин «культура» стал одним из наиболее распространенных понятий. Каждая из дисциплин, использующая этот термин, наполнила его своим толкованием. Это породило определенный терминологический хаос. Л.Г. Ионин приводит данные о том, что в настоящее время понятие «культура» насчитывает более 150 толкований. Использование термина «культура» стало требовать разъяснений: что под ним конкретно имеет в виду исследователь. Максимально обобщив известные интерпретации, Л.Г. Ионин свел возникшее многообразие к минимуму, образовав несколько групп толкований.

¹² Шендрик А.И. Социология культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 52.

Во-первых, понятие «культура» используется учеными для обозначения общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов, толерантности и т. д. В таком случае применяется словосочетание «культурное общество». По смыслу оно совпадает со значением слова «цивилизация». Такому обществу противопоставляется общество некультурное, нецивилизованное. Используют такое словосочетание обычно историки, журналисты, политики.

Во-вторых, понятие «культура» используется как абстрактное указание на особенность способа существования или образа жизни, свойственных какой-то группе или периоду — «греческая культура», «культура народов севера» и проч. Такой подход используется в работах социальных антропологов, этнографов, филологов и историков.

В-третьих, распространено использование термина «культура» как абстрактного обозначения форм и продуктов интеллектуальной и, прежде всего, художественной деятельности. Такое применение термина «культура» свойственно практически всем профессиональным группам.

В-четвертых, термин «культура» используется для абстрактного обозначения общего процесса интеллектуального, духовного, эстетического развития¹³.

Наряду с этим (что было очень важно для нашего поиска) Л.Г. Ионин отмечает, что в настоящее время происходит изменение роли культуры в обществе, меняется само понимание культуры. Культура опережает то, что происходит в реальности. «Все эти явления свидетельствуют о том, что культура прогрессирующим образом перенимает функции мотора, движителя общественного изменения и развития»¹⁴. Такое признание было воспринято нами как первый шаг к осознанию возможности и целесообразности анализа любых видов социальной деятельности посредством изучения культуры этой деятельности, которая сложилась в данном конкретном сообществе и оказывает непосредственное влияние на ее характер и результаты. Однако Л.Г. Ионин в дальнейшем тексте не акцентирует внимание на этом утверждении и не дает ему дальнейшего развития. В его работе все это выглядит как частный случай взаимодействия культуры и общества, который он констатирует.

¹³ См. Ионин Л.Г. Там же. С. 11.

¹⁴ Ионин Л.Г. Там же. С. 5–6.

Между тем такое утверждение об изменении положения культуры среди механизмов, формирующих социальную деятельность, и признание за ней роли «движителя» общественных изменений давало основание полагать, что назревает очередной существенный пересмотр функций, роли и содержания культуры как социологического феномена, а также очередное размежевание исследователей в толковании этого понятия. Именно на такой революционный шаг и пошла группа «культуральных социологов» в США во главе с Джеффри Александером. Они обосновали новую концепцию, обозначив ее как «сильную программу», которая предлагает совершенно иной взгляд на роль культуры в развитии и изменении общества.

Противопоставляя культуру в ее новом предназначении тому пониманию культуры, которым оперирует традиционная социология культуры, они считают необходимым подчеркнуть ее принципиальное отличие, именно с этой целью присвоив своему подходу название «культуральная социология». «Социология культуры, — пишут Дж. Александер и Ф. Смит, — если посмотреть на нее с расстояния, представляет собой ландшафт того же рода, что и культуральная социология. Мы видим общий понятийный репертуар терминов — таких как ценности, коды и дискурсы. Обе традиции утверждают, что культура играет важную роль в обществе и является благодарным объектом социологического изучения. Обе традиции говорят о недавнем “повороте к культуре” как о центральном моменте для социальной теории. Но эти сходства исключительно поверхностны. На уровне структуры мы находим глубокие противоречия»¹⁵.

Далее они поясняют, в чем состоит суть этих противоречий. «Говорить о социологии культуры — значит предполагать, что культура является чем-то, что нужно объяснить посредством чего-то совершенно отделенного от сферы значения как такового. Говорить о социологии культуры — значит предполагать, что объяснительная сила лежит в изучении “прочных” переменных социальной структуры, так что структурированные наборы значений становятся суперструктурами и идеологиями, управляемыми более “реальными” и ощутимыми социальными силами. При таком подходе культура определяется как “слабая”, отнюдь не независимая, на деле, переменная: в большей или меньшей степени ее роль ограничивается участием в воспроиз-

¹⁵ Alexander J.C. The Meanings of social Life. A Cultural Sociology. Oxford: University press, 2003. P.13.

водстве социальных отношений»¹⁶. И действительно, культура, в понимании социальных культурологов — это совокупность результатов деятельности людей, т. е. социальное наследие.

В культуральной же социологии культуре отводится совершенно иное место в деятельности людей. Она рассматривается как генератор, формирующий и регулирующий социальную деятельность.

Формирование культуры является результатом культурных и языковых договоренностей в той же степени, как и результатом других, более «объективных» действий и процедур. Но авторы концепции обращают внимание на то, что действующие в культуральной социологии культурные нормы и правила имеют идеальное основание. В то же время, по их мнению, это не означает уступки идеализму. По сути, это в какой то мере возврат к Дюркгейму. К его идеям по поводу социальных фактов, определяющих поведение людей в общности.

После всего сказанного становится понятным, почему нами использовался культуральный подход, предметом анализа в котором была культура инновационной деятельности. Ее определение выглядит в нашем исследовательском проекте так: *«Культура инновационной деятельности — это система культурных норм, целей-ценностей, а также традиций в сфере инновационной деятельности, которая сложилась в научных организациях и в значительной степени определяет поведение акторов этой деятельности»*. Это определение основано на понимании культуры как способа жизни, свойственного общности, группе, сообществу, обществу в целом. Это тот признанный в данном сообществе «свод культурных правил», который формирует образы действия, сознания, многочисленные нормы и правила, обязательные для всех. Входя в это сообщество, человек застает его уже сформированным. Но на протяжении всего своего пребывания здесь, вместе с остальными членами сообщества он может его изменять. Ценности, нормы и образцы поведения, получившие наименование «культурные правила», традиции, мифы, ритуалы на всем протяжении жизни человека сопровождают его, передаются из поколения в поколение, постепенно изменяя свои формы и содержание. Они составляют ту социальную реальность, объективную социальную среду, с которой он не может не считаться, будучи членом данного сообщества, данной группы¹⁷.

¹⁶ Alexander J.C. Указ.соч. Р. 13.

¹⁷ См. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1998; *Шендрик А.И.* Социология культуры. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 264; *Ядов В.А.* Современная теоретическая со-

Все остальные факторы — экономические, организационные, физиологические — вторичны относительно культурных норм. Высочайшую степень их влияния на поведение человека отрицать невозможно. Но при этом нельзя не учитывать, что их влияние и следование им постоянно находятся под контролем культурных норм.

Возможность воспользоваться концепцией культуральной социологии в исследовании инновационной деятельности стало существенной находкой для нашего исследовательского проекта. Разумеется, реально удалось опереться лишь на общую трактовку положения нормативной культуры и ее функций, действующих в культуральной социологии. Дело в том, что большая часть теоретико-методологических разработок Джеффри Александера касается проблем влияния на поведение людей таких элементов культуры, как мифы, нарративы, убеждения. В сфере его интересов, прежде всего, находятся факторы духовной жизни, разгадка научных основ религиозных социологий Вебера и Дюркгейма. Не исключено, что мы еще обратимся к этой части его работ. Но сегодня мы благодарны ему за четкие аргументы в пользу нового видения термина «культура» в русле сильной программы и за открытые новые возможности в исследовании социальной деятельности.

Утверждение нового подхода и использование культуры при анализе деятельности связано не только с логическим развитием накопленных ранее знаний, но, не в последнюю очередь, с глобальными изменениями в развитии самого общества. Общество все больше утрачивает свою зависимость от природной среды и все в большей степени изменяется под влиянием развития нового знания, иных, формируемых людьми, культурных норм и ценностей. То есть факторов, имеющих идеальное основание. «Если социальная история трансформировалась из естественно исторического в социально-исторический процесс, — пишет В.А. Ядов, — то и функции культуры в социокультурной системе также трансформировались»¹⁸.

Необходимо признать, что становление культуральной социологии сопровождается в социологическом сообществе большими разногласиями по поводу ее места в социологической теории. С одной стороны, ее возникновение рассматривается как естественный процесс дифференциации социологического знания. С другой стороны,

циология. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 29–32.

¹⁸ Ядов В.А. Там же. С. 61.

высказывается опасение относительно наделения нового направления в социологии конкурентными преимуществами по отношению к системной социологии. Более того, предпринимаются попытки отказать ей вообще в каких-либо преимуществах¹⁹. Надо полагать, что подобные дискуссии, учитывая, что по обе стороны «барьера» находятся весьма заметные фигуры социологического сообщества, ничего, кроме пользы развитию социологической теории, не принесут. И эти дискуссии не являются препятствием для использования новой концепции в экспериментальном исследовании.

Наш интерес к состоянию культуры инновационной деятельности в научных учреждениях неслучаен. Культура рассматривается нами как важнейший социальный комплексный механизм, влияние которого определяет и успех, и интенсивность научно-исследовательской деятельности. Несоответствие культуры современным требованиям исследовательской деятельности представляет собой, по нашему мнению, одну из серьезных причин ослабления позиций отечественной науки. Социальные аспекты организации труда ученых перестали беспокоить государственные структуры. В духе худших российских традиций забота о них ушла на второй план или вообще исчезла из поля зрения руководителей государственного сектора науки. Внимание к социальным проблемам ограничилось лишь мерами по повышению уровня оплаты научных сотрудников до определенного Правительством уровня, который оно считает на сегодняшний день достаточным.

Повышение оплаты труда, безусловно, важный шаг для улучшения условий работы академических ученых. Но это только шаг. Всех проблем он, к сожалению, пока решить не смог. Как шутят некоторые ученые, их зарплата лишь «приблизилась к оплате труда водителя автобуса». Они, как и раньше, вынуждены «заниматься совместительством». Как и раньше, низкая оплата труда является тормозом для появления молодежи в академических институтах.

Но дело не только в этом. Сведение всех проблем активизации исследовательской и инновационной деятельности лишь к повышению материального вознаграждения было бы большим упрощением сложившейся ситуации. Не менее важным социальным фактором, регулирующим поведение и настроение людей, является состояние

¹⁹ См. *Давыдов А.А.* Культуральная социология Дж. Александера и системная социология: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2007. №7. С. 11–21.

культуры исследовательской деятельности в научном учреждении. И с этим научные сотрудники сталкиваются постоянно. Если рабочее время ученого, предназначенное для творчества, перестает быть ценностью и используется для выполнения вспомогательных операций (для ремонта приборов, для переговоров об аренде исследовательского оборудования, для покупки в торговой сети необходимых для исследования реагентов), то совершенно очевидно, что в этом случае о высокой культуре научно-исследовательской деятельности говорить не приходится. Другой пример. Можно обвинять отечественных биологов в том, что они отстают в области генетики и не радуют отечество успехами в этой области. Но при этом не надо забывать, что эти ученые не располагают современными электронными микроскопами и компьютерными системами. Можно ли при такой культуре научной деятельности ожидать больших успехов?

Обращает на себя внимание и такой факт. Интерпретируя термин «культура исследовательской или инновационной деятельности», ряд отечественных специалистов сферы управления наукой сужает содержание этого понятия и сводят его к требованиям определенного уровня профессионализма, образования, эрудиции, включая степень осведомленности об особенностях инновационной деятельности научных учреждений и т.п.²⁰ Столь ограниченное толкование понятия «культура» применительно к исследовательской и инновационной деятельности научных учреждений свидетельствует, очевидно, лишь о том, что время глубоких исследований и совершенствования культуры в этой сфере еще только начинается.

Методологическая основа социологического анализа

Если в предыдущем разделе речь шла о теоретических аспектах современного культурального подхода к анализу инновационной деятельности, то здесь предполагается рассмотреть методологические основания процедурной и методической оснащенности такого исследования. Причем начать с анализа содержания культуры инновационной деятельности, представляющей собой предмет осуществляемого исследования, с рассмотрения ее структуры.

²⁰ См. *Николаев А.* Инновационное развитие и инновационная культура // Теория и практика управления (международный журнал). 2001. №5; *Зинов В.Г.* Основная проблема развития инновационной деятельности // Инновации. 2004. №2. С. 25–26.

Структура культуры инновационной деятельности

В удачном определении Бирстедта говорится о том, что к культуре относится все то, что люди делают, думают, чем они владеют²¹. Культура как социологический феномен имеет структуру, которая отражает именно эту триединую целостность.

Первая ее составляющая — это *нормативная культура*. Она тесно связана с понятиями долженствования или запрета и базируется на нормативных образцах. Нормативная культура в наибольшей степени связана с формированием поведения людей или целого отдельного сообщества, которое признало данные нормы в качестве обязательных. Поскольку нормативная культура на уровне организаций, ведомств (организационная культура), государства (законодательство) создается управленческими структурами, ее соблюдение может достаточно жестко контролироваться. Как правило, нормы, относящиеся к оргкультуре и законодательству, институционализированы и контролируются представителями руководства организации, ведомства, группы. Нормативная культура формируется и на межличностном уровне, в виде принятых на уровне взаимодействия между отдельными сотрудниками сложившихся правил взаимоотношений и взаимодействий. Несмотря на свой неформальный характер, они могут достигать высокой степени институционализации с применением санкций общественного неодобрения к нарушителям этих культурных норм.

Второй сегмент культуры — это *идейная (духовная) культура*. Она определяет стандартные способы мышления, устанавливает смыслы событий и явлений, разделение которых становится обязательным. В сфере духовной культуры также проявляется тенденция долженствования и запрета. Следует признавать то, что составляет своего рода общую мудрость общности, общепризнанные этические нормы. Значительную роль в формировании духовной культуры научного сообщества играет содержание ценностных ориентаций сотрудников.

Третий сегмент культуры, относящийся ко всему тому, чем люди владеют, носит название *материальной культуры*. Сюда относятся предметы и инструменты самого различного назначения, постройки и иные сооружения, которыми пользуются члены данного сообщества, а также навыки и опыт использования этих предметов и сооружений.

²¹ Bierstedt R. The Social Order. New York: McGraw Hill, 1963. P. 129.

Иногда эту часть культуры называют «материальной или технической цивилизацией»²².

Нельзя не увидеть, что структура культуры, призванной формировать определенную социальную деятельность, достаточно сложна. Осуществить в исследовании анализ столь многостороннего феномена — весьма трудоемкая задача. Но исследовательский опыт подсказывает, что для анализа культуры деятельности на первом этапе анализа можно ограничиться оценкой только одного сегмента культуры — нормативного. На этапе экспериментальной части исследования мы пошли именно по этому пути. Но на втором этапе намечен подробный анализ состояния духовной культуры, связанной с инновационной деятельностью научных сотрудников.

Ценностно-нормативная система

Следующим шагом на пути подготовки методической оснащенности исследования стало определение показателей, на основе которых появлялась бы возможность давать оценку состояния самой нормативной культуры.

В качестве показателей инновационной культуры в исследовании рассматривались «культурные правила» — своеобразные социальные механизмы, формирующие и регулирующие деятельность. Они формируются и закрепляются самими людьми в процессе совместной деятельности или руководителями различных управленческих структур, организующими данную деятельность. По мере накопления опыта и знаний в области регулирования инновационной деятельности культурные правила могут меняться, одновременно изменяя и культуру деятельности.

При анализе культуры деятельности могут быть выделены два вида правил: *культурные цели-ценности* и *культурные нормы*. К *культурным целям-ценностям* относятся правила, предметом которых являются цели, которые преследует или должен преследовать актор, осуществляющий это действие. *Культурные нормы* — это правила, предметом которых являются способы или средства, используемые для достижения поставленных целей. Они указывают, как должны достигаться поставленные цели. В целом оба вида этих правил представляют собой *ценностно-нормативную систему* той или иной сферы деятельности.

²² Штомпка П. Указ. соч. С. 156–158.

Культурные правила вырабатываются, создаются людьми, членами сообщества или их управляющими органами. Они длительное время могут существовать в виде идей, проектов, пожеланий. Но для того чтобы оказывать влияние на деятельность, эти правила должны быть закреплены с помощью социальных институтов. Потому что только с их помощью эти правила приобретают обязательность на неформальной или формальной основе и начинают контролироваться людьми. Способность социального института влиять на соблюдение всеми членами сообщества того или иного правила, нормы объясняется его возможностью применять санкции в отношении нарушителей. Появление новых социальных институтов означает утверждение в качестве обязательных для сообщества новых культурных правил и культурных изменений. Другими словами, для того чтобы придать общепризнанной культурной норме обязательный характер, характер императива, сообщество принимает меры для введения санкций за ее несоблюдение. Утрата социальным институтом возможности применения установленных санкций ведет к его исчезновению или замене другим институтом. А охранявшиеся ранее им нормы становятся достоянием истории.

Здесь хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство, которое недостаточно четко учитывают сторонники институционального подхода, противопоставляя этот подход культуральному. Социальные институты сами по себе не создают культурные правила поведения. Они лишь делают их в той или иной степени обязательными за счет того, что общность признает необходимым сопровождать эти культурные правила и нормы санкциями большей или меньшей степени жесткости. Культурные нормы формируются в сознании людей, в служебных кабинетах и на совещаниях задолго до того, как они будут институционализированы. И уже после того как институт перестал существовать, охраняемая им до этого норма еще длительное время оказывает влияние на поведение сообщества, действует в качестве традиции, представляет собой духовное наследство. Поэтому, на наш взгляд, культура как комплекс ценностных ориентаций, культурных норм, традиций и мифов представляет собой несравненно более широкое социальное пространство, чем свод норм, контролируемых институтами. Может быть, даже логичнее считать, что культурная норма, обретая санкции, на какое-то время приобретает статус института.

Институты — это наиболее актуальные культурные правила, которые действуют в данный момент. Но вокруг них существует огромное

пространство идей, содержащих альтернативные культурные правила, которые либо уже когда-то были институционализированы и утратили защищавшие их санкции, либо готовят изменения в социальной среде и социальной деятельности, то есть могут быть институционализированы. Существует значительное число социальных механизмов культуры, которые далеко не всегда нуждаются в институционализации. Это традиции, мифы, ценности. Это также важнейшие составляющие культуры. Границы всех этих культурных элементов выходят далеко за пределы функционирования институтов. И их влияние достаточно значимо при прогнозировании будущих событий развития общества, в том числе для прогнозирования смены институтов.

Чрезвычайно значимым является то, что «концепция неoinституционализма выдвигает на передний план не сами институты-структуры, а субъектов, их поддерживающих или изменяющих. Это переносит фокус внимания исследователей с институтов, как структур, на процессы их формирования»²³. И позволяет рассматривать институционализацию нормативной структуры (ценностно-нормативной системы) с позиций оценки деятельности тех управленческих команд организации или инициаторов изменений, которые причастны к ее созданию.

Институционализированные культурные правила несут в себе больший или меньший груз обязательности. Они оказывают далеко не одинаковое влияние на состояние инновационной деятельности. Это тесно связано со степенью их институционализации. Будучи *культурными императивами*, например, «они могут быть сформулированы двояко: в позитивном плане как *приказы* и в негативном плане как *запреты*. Первые отвечают тем общественным ожиданиям, которые можно выразить словом «надо» (или «должен»). Вторым отвечают те ожидания, которые можно выразить словом «нельзя» или «невозможно» («недопустимо»)²⁴.

С другой стороны, мы имеем дело с разрешениями, с указаниями на допуск какого-то рода поведения в определенных рамках. Здесь также возможна институционализация подобного правила и применение санкций при нарушении этих рамок. Но это скорее регулирующая, а не запрещающая норма.

При слабой или недостаточной степени институционализации культурные правила приобретают характер советов, рекомендаций, тради-

²³ См. Ядов В.А. Указ. соч. С. 40.

²⁴ См. Штомпка П. Указ. соч. С. 273.

ций. Например, рекомендацию систематически посещать определенные семинары, конференции, использовать интернет-журналы, публиковаться в зарубежных журналах и т. п.

Многоуровневость ценностно-нормативной системы

Для анализа сформированных в данной общности культурных правил, которые в той или иной степени оказывают влияние на инновационную деятельность, существенное значение имеет тот уровень социальных или ведомственных структур, на котором эта норма была сформулирована и институционализирована. Знание этого источника позволяет более конкретно представить себе характер происхождения тех или иных социальных ограничений или требований по отношению к акторам инновационной деятельности. Позволяет лучше понять, чьими инициативами порождены культурные диссонансы в научно-исследовательской организации и от кого следует ожидать изменений в тех действующих нормах, которые не способствуют успешной работе.

Представляется, что может быть выделено по крайней мере четыре уровня источников, на которых реально иницируются и институционализируются культурные правила инновационной деятельности в НИИ.

Во-первых, это низовой, межличностный уровень. Здесь люди непосредственно общаются между собой в процессе инновационной деятельности. Здесь могут формироваться и поддерживаться культурные правила и ценности, которые создают наиболее устраивающий всех порядок выполнения работ, а также правила взаимодействия. Эти культурные правила формируются и признаются обязательными самими членами группы в процессе взаимодействия. Здесь также происходит институционализация культурных правил, но она носит неформальный характер.

Второй уровень — организационный, уровень НИИ. Здесь формируется культура организации, или «организационная культура», как ее называют в социологии организаций и управления. Культурные правила здесь носят преимущественно формальный характер. Они создаются управленческим аппаратом и официально институционализируются. К выработке и обсуждению этих культурных правил может привлекаться и коллектив сотрудников. В комплексе правил организационной культуры может фигурировать и некоторое число неформальных культурных норм, которые либо преследуют цель облегчить

процесс управления исследовательской деятельностью в неблагоприятных экономических условиях, либо позволяют обходить формальные запреты со стороны вышестоящих организаций.

Третий уровень — территориальный или ведомственный. Это уровень территорий, на которых размещаются и функционируют организации, либо уровень ведомств, в подчинении которых они находятся. В нашем случае речь может идти о культурных правилах, традиционных и формируемых вновь в рамках Академии наук. Этот набор официальных правил и норм деятельности, обязательный для сотрудников научных организаций, входящих в академическую структуру, является еще одним источником происхождения действующих в институтах культурных правил. Их содержание не подлежит обсуждению в организации, а становится жестким императивом.

И, наконец, четвертый, общенациональный или государственный уровень культурных правил. Он формируется, прежде всего, в виде правовых норм, определяющих меру свобод и ограничений различных видов деятельности в масштабах государства. Наряду с этим существуют неформальные культурные правила, отражающие уровень цивилизационного развития государства, и поддерживаемая в той или иной форме государственная идеология. Применительно к инновационной деятельности в рамках академической науки на государственном уровне издаются постановления о порядке реализации этой деятельности и ее масштабах, а также законодательные акты, определяющие правовые рамки такой деятельности.

Совершенно очевидно, что культурные нормы, институционализированные на высшем, государственном уровне, должны учитываться и соблюдаться на всех нижних уровнях иерархии. Для этого они должны быть интерпретированы на каждом нижележащем уровне применительно к уровню ответственности функционирующих здесь акторов инновационной деятельности.

Оценка восприятия и соблюдения культурных правил на каждом из рассмотренных выше четырех уровней представляет собой как научный, так и практический интерес. Совершенно очевидно, что успешность инновационной деятельности академических научных учреждений в значительной мере зависит от того, в какой степени культурные правила, порожденные на всех четырех уровнях управленческой структуры науки, согласованы между собой и отвечают потребностям успешной инновационной деятельности. Тем не менее, исследователи не располагали достаточными ресурсами для осуществления

в одном исследовании анализа всех этих уровней. Поэтому на первом этапе эмпирического исследования мы сосредоточили свои усилия на организационном и межличностном уровне, то есть на уровне культуры инновационной деятельности научно-исследовательских институтов и их научного персонала.

Культурные правила, формирующие продуктивное поведение научных сотрудников институтов в инновационной сфере, представляют собой комплекс требований, которые адресуются не только работающим в академических институтах научным сотрудникам. Их требования относятся и к управленческому аппарату этих институтов, и к персоналу инфраструктурных подразделений. Формирование современной культуры инновационной деятельности носит всеобщий характер и является задачей всех уровней структуры НИИ. Без ее успешного решения нельзя рассчитывать на создание необходимых условий для высокой результативности инновационной деятельности.

Исследовательские процедуры и методическое обеспечение

Для выявления культурных норм, действующих в академических институтах, и оценки степени их адекватности выполняемой научной работе исследователями использовались процедуры, традиционно применяемые в эмпирических исследованиях. Это, прежде всего, работа с документами — изучение положений и должностных инструкций, действующих в научной организации, отчетов разных уровней, Постановлений Президиума РАН, Государственных законодательных документов. Исследователям удалось привлечь к работе над проектом экспертов — компетентных ученых, сотрудников Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук. Существенным источником информации оказались выступления научных сотрудников, как в научных, так и в публицистических изданиях. Но наиболее содержательной базой данных стали, разумеется, материалы полуформализованных и неформальных интервью, выполненных в некоторых научно-исследовательских институтах, неформальное общение с учеными.

Используя всю эту совокупность источников, исследователям удалось выявить значительное число комплексов культурных норм, определяющих характер и содержание различных видов инновационной деятельности. Наряду с этим с респондентами обсуждались нормы, введение которых было бы желательно, но которые не рассматриваются

в академических институтах как актуальные. Поскольку значительная часть респондентов исследования работала в командировках, за рубежом, в зарубежных научных центрах, у них была возможность сравнения отечественной и зарубежной культуры инновационной деятельности. Это придавало аргументам в пользу замены некоторых традиционных, устаревших норм определенную обоснованность.

К большому удовлетворению, в процессе работы нам удалось установить творческое сотрудничество с некоторыми учеными обследуемых академических институтов, привлечь их к корректировке исследовательского инструмента, к обсуждению наиболее острых проблем инновационной деятельности. Благодаря этому используемые в исследовании методики и другие программные документы прошли достаточно серьезный пилотаж. В последующем наши добровольные коллеги с большой пользой для исследования приняли участие в обсуждении полученных результатов, в интерпретации полученных данных.

Начальной задачей полевой части исследования было выявление тех культурных норм, которые в настоящее время действуют в обследуемых НИИ и дают представление о функционирующей там культуре инновационной деятельности. Полученные комплексы таких норм с достаточно высокой степенью полноты, были описаны и составили перечень, дающий представление о культуре инновационной деятельности.

**Комплексы культурных норм инновационной деятельности,
которые подвергались анализу в процессе опроса**

- Нормы поиска заказчиков и ведения переговоров
- Нормы деятельности инновационной инфраструктуры
- Нормы обслуживания рабочих мест исследователей
- Нормы финансирования инновационных разработок
- Нормы защиты интеллектуальной собственности
- Нормы оценки труда сотрудников института
- Нормы информационного обеспечения ученых
- Нормы работы с аспирантами и их закрепления в институтах, а также некоторые другие.

Последующая направленность исследовательской работы сводилась к тому, чтобы выяснить у респондентов насколько действующие нормы способствуют эффективному выполнению научно-исследовательских, прикладных и внедренческих работ. В ходе интервью эта задача решалась по каждому комплексу культурных норм. Одновре-

менно с этим была предпринята попытка выяснить содержание норм, которые должны были бы, по мнению респондентов, действовать в институте, но они отсутствуют, либо не соответствуют потребностям выполняемой работы.

О преимуществах культурального подхода

В завершение методологического раздела статьи имеет смысл сказать о том, в чем же исследователи, избравшие в качестве своего направления исследования культуральный подход к социологическому анализу инновационной деятельности, видят его преимущество в сравнении с другими подходами, широко используемыми в исследовательской практике.

а) Культуральный подход позволяет раскрыть содержание социальных механизмов (культурных правил), оказывающих влияние на формирование инновационной деятельности и выяснить отношение к ним акторов этой деятельности.

б) Он дает возможность определить наличие действующих в обществе субкультур и оценить масштабы девиантного поведения.

в) Позволяет выявить культурные правила, которые признаются акторами, как более адекватные требованиям инновационной деятельности, чем действующие.

г) Дает возможность предлагать культурные инновации, изменяющие характер и содержание инновационной деятельности в сторону повышения ее продуктивности.

Оценка состояния некоторых фрагментов культуры инновационной деятельности в академических учреждениях

Приведенные в этом разделе мнения, суждения респондентов и комментарии к ним дают представление о современном состоянии инновационной деятельности в обследованных академических институтах. Они позволяют перейти к ответу на основной вопрос исследования: как выглядят культурные нормы, которые формировали и формируют в настоящее время инновационную деятельность научных сотрудников институтов. В этой статье мы коснемся лишь двух комплексов культурных норм: 1) норм, относящихся к работе с заказчиком инновационного продукта, включая ведение переговоров;

2) норм, относящихся к обслуживанию акторов инновационной деятельности в академических институтах.

Культурные правила работы с заказчиком инновационной разработки

Выполнение любого инновационного проекта имеет смысл лишь в том случае, если у него есть конкретный заказчик, потребитель ожидаемого результата. Заказчик уточняет потребительские требования к создаваемому инновационному продукту, гарантирующие ему место на рынке, решает вопросы его промышленного освоения, тиражирования и внедрения (продаж). Словом, осуществляет все те функции инновационного цикла, которые относятся к сегменту, носящему наименование «диффузия». После перехода страны к рыночной экономике наличие заказчиков стало основным и главным условием инновационной активности научных учреждений. А ситуация в отечественной экономике сложилась в силу ряда причин так, что число заказов в сфере производства оказалось существенно ниже потенциальных возможностей академической науки. Ученым приходится искать заказчиков. Причем, по словам респондентов, далеко не все новшества имеют шанс вообще найти заказчика в России. Отечественная промышленность за годы застоя и кризиса 90-х гг. катастрофически отстала от мирового уровня. И она не в состоянии на имеющейся технологической базе тиражировать изделия, требующие оборудования, относящегося к постиндустриальному укладу производства.

Поэтому неслучайно авторам наукоемких разработок приходится надеяться лишь на зарубежных заказчиков. Но тут начинаются упреки в антипатриотизме. Обвинения в продаже за рубеж разработок, созданных на бюджетные деньги.

Если говорить о внутриведомственных проблемах, то серьезным препятствием на пути развития инновационных инициатив до последнего времени было нежелание руководства Академии наук и ее институтов признавать это направление в качестве составной части своей научной деятельности. Правда, это не мешало им рассматривать заключаемые учеными договоры на инновационные разработки как источник дополнительного дохода. С каждого такого инициативного договора или гранта институт, по положению, отчисляет в свой бюджет установленный процент. И, тем не менее, эти разработки, по

мнению респондентов, не рассматривались до последнего времени руководством РАН как деятельность, заслуживающая поддержки и внимания. Вот мнение одного из руководителей институтов.

«Руководство АН с самого начала разделило эти два вида научной деятельности (бюджетную и договорную). Определило нашу базовую, программную, уставную деятельность, за которую мы имеем базовое финансирование. И сказали, что мы можем заниматься сверх этой деятельности различными проектами, на которые найдем финансирование. Для этого есть специальные фонды, в том числе и для занятий прикладными вещами. Но это сугубо факультативно. Никто нас сверху этим заниматься не заставляет» (в.н.с., д.ф.-м.н., 56 лет, м.).

В соответствии с такой установкой повели себя и руководители большей части академических институтов. Они как бы «умыли руки», предоставив своим сотрудникам самим решать вопрос о развитии «самостоятельной» инновационной деятельности в институте. В результате в академических институтах до последнего времени не была сформирована организационная культура инновационной деятельности. Неформальные культурные нормы, которыми она направляется в настоящее время, являются плодом самостоятельности самих научных сотрудников, которые создают «инновационные правила игры» по своему опыту и разумению.

Вот типичные для такой ситуации высказывания респондентов:

«В той сфере, где я занимаюсь прикладными работами, руководство института ничем нам не помогает. Все делаем сами, изучаем спрос на эти работы, ищем заказчиков. Ведем с ними переговоры» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет, м.).

В результате такой «политики невмешательства» со стороны администрации заказчики обращаются непосредственно к создателям инновационных продуктов, а те, минуя администрацию, — напрямую к заказчикам, лишь формально уведомляя руководство о заключении договоров. Вот еще два высказывания на эту тему.

«Руководство института поиску заказчиков и получению финансирования инновационных работ практически никак не способствует. Заказчики находят нас сами по той информации, которую мы публикуем в статьях и размещаем на сайте лаборатории. В нашем подразделении этим занимаемся мы сами. Кто занимается этим в институте и занимается ли ктонибудь этим вообще, мне неизвестно» (зав. лаб., к.б.н., 37 лет, ж.).

«Мне кажется, но я не утверждаю это категорично, что каждый спасается сам. Каждое подразделение ищет само заказчиков на свои исследования и прикладные разработки» (с.н.с., к.ф.-м.н., 48 лет, м.).

Эти и многие другие высказывания позволяют сделать вывод, что в институтах, где проводилось исследование, практически действует неформальная культурная норма «хочешь заниматься инновационной деятельностью — помоги себе сам. Найди заказчика или получи грант, организуй выполнение проекта, но не забывай отчитываться по основной теме». В соответствии с такой нормой ученые этих институтов независимо от возраста, ученой степени и должности становятся коммивояжерами, менеджерами по продажам, юристами, вспоминают старые связи с промышленными предприятиями и другими организациями и ищут инвесторов для своих инновационных разработок. Вся ответственность за поиск заказов и заказчиков, за организацию работ и своевременность их выполнения возложена на тех, кто проявляет в этой области инициативу.

Справедливости ради отметим, что в некоторых институтах в действии нормы «инновационной самостоятельности» есть небольшие исключения. В соответствии с высказываниями респондентов там руководители проявляли хоть какую-то заботу о поиске заказчиков внедренческих разработок. Правда, пока без особых результатов. Вот пример такого мнения:

«Руководство института в последнее время активно включилось в такую деятельность. Специальной структуры, осуществляющей поиск потребителей прикладных разработок института, нет. Но в то же время такая работа ведется дирекцией института, Пока особых результатов нет, но в этом направлении ведется работа» (д.ф.-м.н., зав. лаб., 55 лет).

Итоги исследования говорят о том, что соотношение тех, кто ощущает поддержку института в своей инновационной деятельности и тех, кто ее не ощущает, выглядит как один к четырем. В то же время между респондентами не было полного согласия по поводу помощи со стороны администрации института в поиске заказчиков на инновационную продукцию, по поводу характера этой помощи. Некоторые респонденты считают, что при том хаосе на рынке инновационного продукта, который неизбежен на начальной стадии его становления, участие самих исследователей в поиске инвестора-заказчика оправдано и может играть не меньшую, а может быть, и большую роль, чем усилия администрации. Свою мысль они формулируют так:

«В поиске инвесторов институтские структуры вряд ли помогут. Здесь нужен очень большой личный интерес, а они там будут “перекладывать бумажки”. Необходим личный и научный интерес в доведении разработок до реализации. Кроме того, для инвесторов очень важны “регалии” разработчика, личный контакт с ним» (с.н.с., к.ф.-м.н., 62 г.).

«Я слышал, что в институте есть какой-то центр сопровождения инноваций, но по опыту общения с коллегами из других подразделений института я понял, что конкретные группы разработчиков ищут потребителей сами. У нас столько тематик, что никакой центр не сможет обеспечить поиск заказчиков для всех разработок» (с.н.с., к.ф.-м.н., 51 год, м.)

Основную роль администрации в обеспечении инновационных заказов эти сотрудники видят в постоянном участии института в организации выставок и конференций, усиленного рекламирования достижений ученых института на всех уровнях. Необходимо рассматривать, считают они, посещение конференций сотрудниками различных форумов, включая зарубежные, как часть этого поиска, и предусматривать на эти цели соответствующие финансовые средства. В ходе проводимых интервью респондентами обращалось внимание на плохую организацию этих выставок. Экономя на презентации научных результатов и их инновационных воплощений, по их мнению, институты не получают необходимого эффекта. В материалах исследования это звучит так:

«Прежде всего, должны быть выставки. Причем в выставках должны быть заинтересованы люди, которые нормально занимаются бизнесом. Нормальный ответственный бизнес, который заинтересован в развитии инноваций, а не чиновники, которые для проформы будут делать вид. Нужны также информационные центры» (с.н.с., к.ф.-м.н., 68 лет, м.).

«Я знаю, что институт участвует в выставках. Это скорее ритуальная процедура, когда надо столичным чиновникам показать, что наш институт работает, находится на мировом уровне. Сам я в выставках пока не участвовал» (с.н.с., к.ф.-м.н., 35 лет).

Исследователи обратили внимание на то, что из сорока двух респондентов, с которыми они побеседовали в процессе исследования, в выставках, проводимых институтами, никто из респондентов со своей тематикой ни разу не участвовал, в том числе в составе своего подразделения. Трудно объяснить это только случайностью.

В поисках заказов на разработки и на готовые инновационные продукты, которые могут найти покупателя на рынке, сотрудниками институтов используются самые различные пути и средства, начиная

от Интернета и заканчивая поиском старых знакомых, перешедших в бизнес. Поэтому неслучайно, что масштабы многих таких разработок и продаж оказываются нередко чрезвычайно скромными — вплоть до продажи нескольких килограммов реагента, приготовленного в академической лаборатории. Заказчики представлены очень широким диапазоном партнеров от известной зарубежной фирмы до малого предприятия строительной индустрии, делающего разовую покупку. Все это оказывается весьма далеким от цивилизованного рынка наукоемкой продукции. Тем более что оформление этих сделок и соблюдение охраны интеллектуальной собственности нередко не контролируется никем и выполняется без участия специалистов — маркетологов и экономистов.

Не вникает администрация институтов и в содержание договора на выполнение и передачу соответствующего продукта. Договор составляется сотрудниками, которые берутся выполнить работу. Институт ставит лишь свою подпись и печать на текст договора. Но где гарантии, что в договоре чего-то не предусмотрели? Ведь покупатели приезжают даже и из-за рубежа. А где гарантии того, что исследователи определили правильно стоимость своего продукта? Где гарантии, что разработка запатентована и не переключается в чужую интеллектуальную собственность? Специалистам в области физики, биологии, нанотехнологий не так легко разобраться со всеми тонкостями, которые должны учитываться при составлении такого сложного юридического документа, как договор. Но в реальности помочь им в этом некому.

«Отечественная наука на международных рынках наукоемких технологий выглядит на уровне Африканских стран. И не только потому, что мало чего можем предложить. Но еще и потому, что сделки нередко оформляются безграмотно, и выглядят на уровне контрабанды, без достаточной защиты права на интеллектуальную собственность» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год, ж.).

На момент проведения исследования в обследованных институтах отсутствовали специалисты или подразделения, которые бы представляли собой инновационную инфраструктуру института. Этому не приходится удивляться. Институты по своей традиционной направленности не рассчитаны на ведение инновационных разработок и их реализацию. Судя по печати, в некоторых академических институтах такая инфраструктура сегодня создана. Но это не стало правилом для всей системы Академии наук. Между тем потребность в такой структуре остро ощущается.

«Хорошо бы, если в институте существовала некая структура, которая бы помогала инновационной деятельности, защищала наши права, в том числе на инновационную собственность. В принципе, мы могли бы расширять такую нашу деятельность. Нам пока в лаборатории доходов от нее хватает, но мог бы получать выгоду и институт в целом. Работа перспективная, зарубежный рынок есть» (к.б.н., зав. лаб., 37 лет).

«Ученому, который занимался всю жизнь фундаментальными разработками, очень трудно представить ситуацию заказчика, что ему нужно. Нужен какой-то маркетинг этих услуг, что ли. Это должна быть какая-то дополнительная структура» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет).

До последнего времени, пока еще Академия наук жила надеждой сохранить свой статус «храма фундаментальной науки», создание такого рода «инновационных пристроек» воспринималось как неизбежная уступка интересам сотрудникам и покушение на не вполне обоснованную диверсификацию деятельности институтов. Но после выхода в свет Постановления Президиума РАН (от 24 марта 2009 г.) о возложении на академические институты деятельности по продвижению инновационных разработок на внешний и внутренний рынок высокотехнологичной продукции, вопрос о пересмотре структуры академических научно-исследовательских институтов стал более актуальным.

К сожалению, исследователи не располагают информацией о том, как институты определились с тем, как они будут решать новую задачу. В то же время у научных сотрудников оказались по этому поводу свои соображения, которыми они и поделились с исследователями. Одно из них приводится ниже.

«Между наукой и потребителем ее разработок должно быть некое промежуточное звено, своя институтская экспертиза. Хорошо бы на каждом направлении работы института иметь менеджера, который бы занимался такой экспертизой. Я хорошо знаком с такими менеджерами по опыту работы за рубежом. Это должны быть выходцы из науки. Просто менеджер с экономическим образованием здесь ничего не сделает. Их можно, на мой взгляд, вырастить из аспирантов, склонных к менеджерской работе. Они должны получить степень по научной специальности, а потом дополнительное образование в сфере научного менеджмента». Кстати, в МГУ уже есть такая специализация по переподготовке» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год).

Еще один важный аспект комплекса культурных правил работы с заказчиком касается порядка финансирования разработок. Некоторая часть сотрудников, выполняющих инновационные разработки, полу-

часть средства из внедренческих фондов РАН. Но это незначительная часть исследователей. Остальные должны находить эти средства сами. Возможны два источника: венчурное финансирование и аванс заказчика. Практика показывает, что ни тот, ни другой источник для научного подразделения или самостоятельной группы ученых недоступен. Венчурные фонды имеют дело с официальными организациями, а заказчики склонны платить только за готовый продукт.

Руководство института, даже тогда, когда оно зарегистрировало у себя заключенный договор с заказчиком, в силу ряда формальных причин, включая отсутствие средств на расчетном счете института, не осуществляет финансирование работ, связанных с заказом.

Авторы инициативных инновационных разработок в этом «заколдованном круге» отказов используют все мыслимые и немыслимые способы, чтобы найти деньги на осуществление своего проекта, но об их источниках предпочитают не распространяться.

«Предварительного финансирования на разработку наших продуктов мы не получаем. Заказчики (в том числе иностранные) покупают у нас уже готовый продукт» (к.б.н., зав. лаб., 37 лет).

«Многие разработки мы осуществляем по своей инициативе, а потом ищем на них заказчиков. Заказчики дают деньги только после того, как могут что-то “пощупать”, нужен работающий образец» (с.н.с., к.ф.-м.н., 70 лет).

В связи с этим появление в процессе работы над инновационным заказом материалов, оплаченной энергии, эксплуатации оборудования и тому подобного становится загадкой. Какие культурные нормы регулируют эту сторону деятельности научных сотрудников? Если эти работы выполняются не официально, то какова практика учета затрат и финансирования этих работ? Наши респонденты говорили в интервью, что тратят на это собственные средства. В это, честно говоря, трудно поверить. Или получается, что они ведут какие-то беззатратные работы.

Становится очевидным, что внедренческие работы выполняются за счет финансирования все тех же фундаментальных разработок. Вот откровенные признания нелегального пути финансирования разработки новшества:

«Использовали мы гранты РФФИ на разработку якобы фундаментальных исследований, но деньги тратили на прикладные, заказные разработки» (с.н.с., к.ф.-м.н., 62 года).

Поэтому неслучайно некоторые наши респонденты откровенно критиковали использование таких правил, а точнее — сплошного бескультурья при финансировании инновационных разработок и говорили о необходимости введения четких правил в этой области.

«Необходимо легализовать такую нашу деятельность. Нам не мешают заниматься такими работами, но это делается как бы «полуподпольно» (к.ф.-м.н., зав. лаб., 37 лет).

Все это свидетельствует о том, что в академических институтах действует не вполне цивилизованный способ финансирования инициативной инновационной деятельности. Это еще раз подтверждает суждения сотрудников о том, что «инициативная» инновационная деятельность в институтах в значительной своей части имеет для руководства «побочный характер». Академический сотрудник уподобляется по характеру этой деятельности «кустарю», который сам изготавливает продукт, сам его финансирует, сам выходит с ним на рынок продавать и сам находит покупателей. При такой инновационной культуре трудно рассчитывать и на большой успех, и на большие масштабы деятельности. Создается впечатление, что как за формирование культуры работы с заказчиком, так и за успешность собственно инициативной деятельности в обследованных институтах никто в настоящее время никакой ответственности не несет.

Исследователи считают важным обратить внимание то, что экспертами по оценке функционирования и состояния культурных норм работы с заказчиками инновационной продукции в исследовании выступали респонденты исследования — научные сотрудники обследованных институтов. Обращало на себя внимание их единодушие в оценках. Они считают, что такое состояние культуры внедренческой деятельности является следствием нежелания рассматривать инициативную деятельность по созданию инновационных разработок в качестве целевого направления, призванного способствовать развитию потенциала науки. Как и в 90-х гг., в некоторых институтах его продолжают рассматривать как способ повышения материального уровня ученых. Не менее важно и то, что до настоящего времени культура инновационной деятельности, относящаяся к инициативной работе с заказчиками, не имеет формальной основы. Она не институционализирована в академических учреждениях и не стала их официальной организационной культурой.

Культура обслуживания инновационной деятельности научных сотрудников

Каждый академический институт должен иметь какое-то число структурных подразделений, составляющих инфраструктуру исследовательской, экспериментальной и инновационной деятельности. В их задачи должно входить обслуживание, ремонт и подготовка исследовательского оборудования к работе, приобретение и изготовление необходимых приборов, материалов, реактивов, словом всего того, что необходимо для выполнения исследователями и разработчиками инновационных продуктов своих плановых работ. Своевременное и качественное выполнение заказанных сотрудниками услуг является важнейшей культурной нормой деятельности любого научного учреждения. Четко организованное обслуживание научно-исследовательской деятельности является организационной основой продуктивности работы. От содержания установленных для этих вспомогательных подразделений культурных норм деятельности и степени их институционализации в значительной степени зависит успешность исследований и соблюдение установленных сроков их выполнения. Поэтому вполне логичным является требование, чтобы исследователи и разработчики не отвлекались для выполнения работ, которые не относятся к их обязанностям. Они должны иметь возможность все свое рабочее время заниматься исследованиями, инновационными разработками.

Высказанные научными сотрудниками в ходе интервью оценки состояния культуры обслуживания рабочих мест и деятельности исследователей свидетельствуют о том, что ситуация в этой сфере деятельности инфраструктурных подразделений институтов далека от совершенства. Более того, она все более ухудшается. Респонденты без особого восторга вспоминали культуру обслуживания рабочих мест исследователей в советский период. Но, тем не менее, они обращали внимание на то, что в те времена им не приходилось самим ремонтировать аппаратуру и приборы, закупать оборудование. В настоящее время положение ухудшается на глазах. Все более актуальным становится слоган, превратившийся в культурную норму, — «помоги себе сам». Разумеется, это происходит не просто потому, что руководители институтов не понимают значения этой проблемы. Хотя это, по мнению респондентов, тоже имеет место. Основную негативную роль здесь, разумеется, сыграл кризис, который переживает академическая наука. Низкий уровень оплаты труда вспомогательного персонала,

его бегство из подразделений инфраструктуры привели к резкому сокращению возможностей хоть какого-то обслуживания исследовательского процесса. А это в свою очередь привело к использованию не по назначению рабочего времени высококвалифицированных научных сотрудников. Теперь им самим все чаще приходится покупать, налаживать и готовить аппаратуру для экспериментов, самим решать проблемы аренды времени работы на аппаратуре коллективного пользования. Все это они делают за счет своего рабочего времени, ломая все свои графики и планы работы. Об этом исследователям говорили сотрудники институтов в ходе интервью.

«Должен быть обслуживающий и технический персонал. У нас же сейчас мы сами выполняем все работы по обслуживанию оборудования и подготовке исследований» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год, м.).

«У нас нет обслуживающего персонала — механиков, лаборантов. Мы сейчас сами чиним наше старое оборудование и сами выполняем все вспомогательные работы. Руководство института знает о наших проблемах и старается помогать, но у него нет механизмов решения этих проблем» (н.с., к.б.н., 42 года, ж.).

Существенно ухудшилась в последние годы, по мнению научных сотрудников, работа по снабжению исследователей всем необходимым для осуществления плановых работ. Сроки выполнения заказов не контролируются и вынуждают ученых самих заниматься закупочной деятельностью.

«Раньше я писал заявку на покупку оборудования, и отдел снабжения занимался его доставкой. А сейчас, пока сам не купишь, никто тебе не купит. В существовавшей раньше системе снабжения исследований были свои трудности. На зарплату с договоров отводилось очень мало, зато статьи на оборудование и материалы выполнялись неукоснительно» (д.н., зав. лаб., 70 лет).

К существенным потерям времени исследователей приводит введенная сравнительно недавно система контроля над нецелевым использованием средств, выделяемых для исследовательских нужд. По мнению ученых, она достаточно формальна и мало чем помогает выявить нарушения, зато требует значительных затрат времени на составление многочисленных форм. Невольно возникает вопрос: почему именно ученый должен составлять эти контрольные отчеты? Разве недостаточно, если он подпишет уже подготовленный сотрудником инфраструктуры финансовый или материальный отчет?

«Мы часто подходим к этим документам формально. Пишем, лишь бы отвязались. Тем более что настоящая отчетность идет по результатам исследования или разработки. Ведь эта писанина отнимает время от основной работы» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет, м.).

Наиболее значительны потери времени при приобретении каких либо приборов, оборудования. Они вызывают недоумение у сотрудников институтов.

«Необходимо прекратить кавардак с закупками. Создали такую систему, что ничего нельзя нормально купить, нужно оформлять кучу бумаг. Я не могу никак купить для своих исследований новый компьютер. Кроме того, нужно прекратить этот вал отчетов, которые мы пишем по каждому поводу. Раньше этого не было, и нормально работали. Я нигде в мире этого не встречал» (д.ф.-м.н., в.н.с., 64 года).

Совершенно очевидно, что при создании новых форм контроля «главную скрипку» играли финансовые органы, которым безразлична степень вносимых ими неудобств. Но почему Академией наук при этом не рассматривается возможность смягчения ущерба для работы ученых? Ведь решение любой бюрократической задачи всегда позволяет рассмотреть несколько вариантов и выбрать наиболее оптимальный. Разумеется, легче всего возложить всю такую отчетность на того, кто осуществляет исследование. Но насколько это рационально, особенно с позиций бережного отношения к рабочему времени ученого?

Справедливо выдвигая перед учеными академических институтов требование добиться создания конкурентоспособных высокотехнологичных технологий и других наукоемких продуктов и открытий, руководство как правительственных структур, так и самой Академии наук не может не понимать, что одних призывов для этого недостаточно. Да, действительно, в настоящее время научный потенциал академических институтов еще высок. Несмотря на многие пессимистические высказывания, он еще в определенной своей части может работать на мировом уровне. Но можно ли реализовать эту возможность, если будет продолжаться столь пренебрежительное отношение к проблемам культуры научно-исследовательской, внедренческой, инновационной деятельности? При том уровне неуважения к труду ученых, которое проявляется, начиная от речей депутатов Госдумы, обвиняющих отечественную науку во всех смертных грехах, до принуждения ученого в своем институте заниматься малоквалифицированным трудом по самообслуживанию?

В советские времена были годы, когда ученых посылали на уборку картошки. На эту тему сочинялись памфлеты с критикой политики власти в сфере науки. Но зададимся вопросом — чем отличается практика использования ученых на вспомогательных и технических видах труда от времен картофельных батальев? Только тем, что все это происходит в здании института. И эта практика институализирована управленческим аппаратом как сложившаяся культурная норма организации работы сотрудников научного учреждения. Хотя, по сути, это один из примеров совершенно нерационального использования научно-исследовательского потенциала академической науки.

Значительным толчком к появлению идей по поводу необходимости и возможности повышения эффективности труда возникли у ученых после поездок за границу, на стажировку, на временную работу в зарубежные научные центры. Они обратили внимание на то, как бережно там относятся к рабочему времени ученого. Насколько продуманно планирование рабочего времени. Как строго выполняются культурные нормы обслуживания труда научного сотрудника.

Оказалось, что среди респондентов исследования почти каждый второй имел опыт работы в зарубежных научных центрах. Их рассказы о своих впечатлениях были наполнены восхищением от увиденного там и одновременно глубокой завистью, поскольку о такой культуре научного труда они пока не могут даже мечтать. Прежде всего, респонденты обращали внимание на организацию труда обслуживающего персонала. По их мнению, в зарубежных центрах она подумана до мелочей, и ученые освобождены от побочных работ.

«Что у них там хорошо — это организация обслуживания труда ученых. Все необходимое для работы можно заказать, и оно тут же поступит исследователю» (с.н.с., к.т.н., 68 лет, м.).

«Что нам нужно взять у них — это организацию научного труда. Ученый должен быть освобожден от несвойственных для него функций. Должен быть обслуживающий и технический персонал. У нас же сейчас мы сами выполняем все работы по обслуживанию оборудования и подготовке исследований» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год, м.).

«Там много инженерного и обслуживающего персонала. У нас всего этого сейчас нет. Например, у нас в лаборатории нет вообще ни одного инженера и лаборанта» (н.с., к.ф.-м.н., 35 лет, м.).

Но дело не только в обеспечении всем необходимым выполняемых исследований и разработок. Научных сотрудников не устраивает и общая организация выполняемых исследований, которая нередко

порождает неразбериху с их материальным обеспечением и большие потери времени на получение всяческих согласований. Рассказывая о зарубежном опыте организации исследовательской работы, они высказывают недоумение по поводу отсутствия желания у академического руководства и руководителей институтов даже попытаться позаимствовать такой опыт. Если на возрождающихся отечественных промышленных предприятиях с приходом новых технологий и оборудования происходит смена организации труда, в рамках ее традиционного российского бескультурья, то про научные учреждения это можно сказать далеко не всегда.

Переход к работе по реализации инновационных проектов требует от Академии наук, по мнению ученых-респондентов, инновационной перестройки всей организационной культуры, культурных правил научно-исследовательской, инновационной деятельности. Респонденты, с которыми имели дело исследователи, считают, что для начала надо просто использовать тот опыт работы, который накоплен за рубежом.

«Что можно было бы у них перенять — это организацию процесса исследования, от момента появления идеи и до ее технического воплощения. У них понятно, что нужно делать и как нужно делать, чтобы реализовать научную идею. Понятно, где искать деньги, понятно, где покупать соответствующее оборудование или где оно может быть произведено. Понятно, где это оборудование можно установить и понятно, как на нем нужно работать. У нас этого ничего нет. Вернее, это все потеряно за последние 20 лет» (с.н.с, к.ф.-м.н., 41 год, м.).

Об отсутствии четкой организации научно-исследовательской и инновационной деятельности исследователям говорили не только сотрудники, но и многие руководители подразделений институтов. Они также неудовлетворенны действующей организационной культурой научной деятельности и имеют свои претензии к необоснованным потерям времени и сил.

«Мне приходится совмещать должность научного руководителя, организатора работ и завхоза. Это отнимает крайне много времени непосредственно от научной работы. А за рубежом этими вопросами занимаются специальные люди, которым ученый просто заказывает все, что ему нужно. А мы ждем уже заказанные реактивы по 3 месяца. Там доступно любое оборудование, там нет проблем с ремонтом приборов» (зав. лаб., к.б.н., 37 лет, ж.).

Высокая культура организации научного труда в зарубежных научных центрах, о которой говорят побывавшие там отечественные

ученые, это не только средство комфортного самочувствия работающих («Там намного комфортнее организация науки», — говорят наши респонденты (с.н.с., к.ф.-м.н., 35 лет, ж.)). Не допуская потерь рабочего времени, за счет улучшения обслуживания исследовательского труда, в зарубежных центрах повышается его отдача, сокращаются сроки исследований, обеспечивается рост производительности научной деятельности. Надо полагать, что для отечественной науки, перед которой стоят весьма масштабные задачи в развитии инновационной деятельности, решение этих проблем не менее актуально. Научная деятельность, как всякая деятельность, стремящаяся к совершенству, требует научной организации. И соответствующая культурная норма, которую следовало бы институционализировать в академических институтах, по мнению респондентов, должна была бы выглядеть так.

«Научные сотрудники не должны тратить время на выполнение несвойственных им функций. Например, на обеспечение своей работы необходимыми приборами, материалами, на подготовку к работе экспериментальных установок. Они не должны они также вести переговоры о предоставлении оборудования в центрах коллективного пользования. Их должны своевременно обслуживать соответствующие подразделения инфраструктуры института».

Обсуждая культурные нормы, действующие в зарубежных научных центрах, респонденты обратили особое внимание на обязательность соблюдения сотрудниками этих учреждений продолжительности рабочего дня. Необычным для них показалось следующее.

«Там, в таких же, как у нас, институтах, которые занимаются фундаментальными исследованиями, работают «от звонка до звонка», то есть строго рабочий день. Рабочий день кончился, и все — по домам. Мы же работаем по мере потребностей работы. Можем работать и сутки подряд, если есть такая потребность» (к.ф.-м.н., зав. 68 лет, м.).

На такую жестко соблюдаемую культурную норму обратили внимание многие респонденты исследования. Им представляется странным, что ученые зарубежных центров ходят на работу ежедневно, к определенному времени, «как на завод». Они работают здесь весь свой рабочий день. Здесь находится их компьютер, записи, журналы и книги, взятые в библиотеке, словом, все, что необходимо для полномасштабной работы. В противоположность этому дома они ничего, связанного с работой, не имеют. Дома они отдыхают, общаются с семьей, смотрят телевизор, встречаются с друзьями. Четкое разграничение сферы труда и сферы отдыха создает благоприятные условия для пол-

нокровной жизни и успешной работы. Разговоры о том, что российские ученые могут противопоставить такому распорядку готовность работать 24 часа в сутки, воспринимаются их зарубежными коллегами не иначе, чем как практика авралов, как результат неорганизованности, бескультурия. И это близко к истине.

Почему возникает такая необходимость — работать сутками? Как правило, это объясняется отсутствием порядка, требующего оперативного, своевременного обслуживания разработчиков всем необходимым. Сначала создается простой в работе, потом наступает аврал. И выясняется, что академические институты в этом отношении мало чем отличаются от захудалой стройки. При социализме можно было сослаться на дефицит. Теперь это время ушло. Все можно купить. Но не действует требование, культурное правило, обязывающее дать ученому все необходимое, причем строго вовремя. Где-то это записано, но не институционализировано. Не стало культурной нормой. И никто не переживает и не несет ответственности за то, что начало работ из-за отсутствия, допустим, каких-то реагентов или невовремя перечисленных средств задержалось на длительное время.

Вернемся к проблеме рабочего времени. Справедливости ради следует признать, что необязательность появления на работе в течение рабочего дня представляет собой широко распространенную практику в отечественных академических институтах. В значительной части случаев научные сотрудники предпочитают помимо обязательных присутственных дней работать дома. И в институтах укоренилась неформальная культурная норма несоблюдения в какой-то части формальной, но слабо институционализированной нормы распорядка рабочего дня.

Однако было бы ошибочным с места в карьер осудить такую ситуацию и потребовать ее коренного изменения. Может быть, не так уж неправы руководители институтов, которые «сквозь пальцы» смотрят на соблюдение графика рабочего дня. Здесь есть все основания, чтобы посмотреть, в каких условиях работают научные сотрудники за рубежом, которые аккуратно каждый день проводят в научных центрах свое рабочее время «от звонка до звонка». Какие требования предъявляются там к рабочему месту ученого? Их хорошо иллюстрирует статья профессора Льва Клейна «Работа по-английски» в газете «Троицкий вариант» (№ 16—35 от 18 августа 2009 г.). Будучи приглашен в Даремский университет в Великобритании, он, как и все преподаватели этого университета, прежде всего получил свой кабинет (*«Я никогда не*

имел его на родине, ни до того, ни после того», — пишет он. — В коридорах пусто: все сидят по своим кабинетам»). Причем считается неприличным в рабочее время заходить в кабинет к коллеге и отрывать его от дела. Люди действительно работают, используя созданные для этого условия.

Отечественная же практика обустройства рабочих мест научных сотрудников ориентируется на практику коллективного труда. В одной комнате размещаются три и более сотрудников. Каждый старается отгородиться от остальных шкафом, книжной полкой, создавая своеобразную планировку помещения, которую профессор Клейн очень точно назвал «офисной коммуналкой». Каждый имеет право включить «Скайп», мобильный телефон, попить чаю, откашляться, порыться в шкафу. В такой обстановке сосредоточиться чрезвычайно трудно. Требовать от своих коллег соблюдения правил публичной библиотеки — дело малоперспективное. Но и ожидать от них полноценной продуктивной мыслительной деятельности становится делом сомнительным. Прежде всего, именно поэтому отечественные ученые предпочитают свое рабочее место в институте библиотеке или домашнему кабинету. Возникает вопрос — в состоянии ли отечественные академические институты предоставить своим сотрудникам изолированные кабинеты? Способны ли они создать для них такие же условия работы, как это делается в зарубежных научных учреждениях? К сожалению, пока что такая культура организации рабочего места для всех наших институтов непосильна. Но было бы ошибкой не думать о такой перспективе. Ибо это еще один аспект высокой культуры научной деятельности, который создает предпосылки для успехов в творчестве.

Краткие выводы

Анализ содержания и применения формальных и неформальных культурных правил, которые институционализированы в сфере инновационной деятельности обследованных социологами академических научно-исследовательских институтов и в соответствии с которыми эта деятельность осуществляется, позволяет нам сделать следующие выводы.

Инновационная культура академических научно-исследовательских институтов, как важнейшая часть их организационной культуры, находится в стадии трансформации. В современном виде она совершенно не отвечает потребностям интенсивного развития исследова-

тельской и внедренческой деятельности. Здесь преобладают культурные нормы, традиции и ценности, сформированные в период кризиса и реформ 90-х гг., когда на первое место выдвинулись проблемы выживания и сохранения самой академической науки. Здесь не соблюдаются элементарные условия цивилизованного порядка создания и продаж инновационного продукта. В большей части научных подразделений не созданы оптимальные условия для плодотворной научной работы. Негативное впечатление усиливается, если сопоставить сформированную здесь культуру с культурой научной деятельности в зарубежных центрах.

В современных условиях кардинальная трансформация культуры научно-исследовательской и внедренческой (инновационной) деятельности в академических учреждениях должна рассматриваться как важнейшая часть программы инновационного развития страны. При этом должен учитываться опережающий опыт формирования культуры в зарубежных научных центрах.